

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н. Ю. Турищева

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ
И ПРАВА НА УЧАСТИЕ
В РЕФЕРЕНДУМЕ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Наталья Турищева

**Преступления против
избирательных прав и права
на участие в референдуме**

«Юридический центр»

2010

Турищева Н. Ю.

Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме / Н. Ю. Турищева — «Юридический центр», 2010 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

Автор настоящей книги – Наталья Юрьевна Турищева, кандидат юридических наук, начальник организационно-правового отдела избирательной комиссии Краснодарского края, доцент кафедры конституционного и муниципального права Кубанского государственного университета. Является автором более 40 научных работ. В работе через призму новейших достижений юридической науки, исторического отечественного и позитивного зарубежного опыта уголовного законодательства, современных реалий судебной практики осуществлен анализ преступлений против избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, представителей судебной системы и избирательных комиссий, а также всех интересующихся вопросами уголовно-правовой охраны избирательных прав.

ББК 67.408

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
§ 1. Ответственность за преступления против избирательных прав по дореволюционному уголовному законодательству России	8
§ 2. Ответственность за преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме по советскому и постсоветскому уголовному законодательству	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Юрьевна Турищева
Преступления против избирательных
прав и права на участие в референдуме

© Н. Ю. Турищева, 2010

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2010

Введение

Избирательные права и право на участие в референдуме занимают особое место в системе политических прав граждан как составляющие основу реализации подлинного народовластия, процесса формирования главных институтов публичной власти. Демократическое по форме и правовое по своей сути государство вряд ли может состояться без свободных и независимых выборов, являющихся единственным легитимным средством воспроизводства органов государственной власти и местного самоуправления. Обеспечение и охрана избирательных прав и свобод, контроль за их соблюдением являются основными задачами, которые должны решаться государством при проведении периодических выборов, предоставляющих гражданам возможность без какого бы то ни было влияния, насилия, угрозы применения насилия или иного противоправного действия сделать самостоятельный выбор относительно своего участия или неучастия в выборах, не опасаясь наказания, какими бы ни были итоги голосования и результаты выборов.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит четыре статьи, посвященные преступлениям, посягающим на избирательные права и право на участие в референдуме (ст. 141–142¹). Судебная статистика фиксирует рост преступлений против избирательных прав. Так, общее число зарегистрированных преступлений указанного вида в 2008 г., по сравнению с 2007 г., возросло более чем в 7 раз. Согласно опубликованным данным, в 2002 г. было зарегистрировано 56 преступлений против избирательных прав, в 2003 г. – 82, в 2004 г. – 150, в 2005 г. – 137, в 2006 г. – 99, в 2007 г. – 75, в 2008 г. зарегистрировано 533 преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме¹.

Вместе с тем практика свидетельствует о невысокой эффективности указанных норм. К примеру, несмотря на широкую распространенность преступлений, связанных с осуществлением подкупа избирателей, подделкой подписных листов, в судебной статистике фиксируется незначительное их число. То же можно сказать о нарушениях порядка финансирования избирательной кампании, фальсификации итогов голосования. Это связано с высоким уровнем латентности указанных преступлений, а также с недостатками их уголовно-правового регулирования. Отсутствие четких критериев, позволяющих определить основные признаки составов преступлений в сфере избирательных правоотношений, трудности в уяснении смысла правовых предписаний, содержащихся в ст. 141–142¹ УК РФ, являются причинами незначительного применения на практике данных норм.

В последние годы проблемам уголовно-правовой охраны избирательных прав уделяется более пристальное внимание. Не претендуя на полноту перечисления, в ряду таких исследований можно назвать работы юристов В. Н. Белоновского, Н. И. Ветрова, В. В. Игнатенко, С. Д. Князева, СМ. Корабельникова, М. С. Матейковича, Л. Г. Мачковского, А. В. Серебренниковой, Ю. В. Щиголева и др. Диссертационные исследования О. Ю. Антонова (2008 г.), И. А. Дамм (2006 г.), Т. Н. Елисеевой (2004 г.), Ю. Н. Климовой (2003 г.), А. С. Колышницына (2004 г.), Н. Г. Мажинской (2002 г.), ГА. Станкевич (2002 г.), Н. В. Терещенко (2002 г.), Г. Н. Шевченко (2006 г.) были специально посвящены преступлениям против избирательных прав.

В период 2005–2009 гг. внесено значительное число новелл в избирательное законодательство, наполняющее новым содержанием бланкетные диспозиции статей УК, посвящен-

¹ Организованная преступность-4 / Под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1998; Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / Под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 2004. С. 94; Преступность, криминология, криминологическая защита / Под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 2007. С. 339; Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / Под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 335–336.

ных охране избирательных прав. С учетом последних изменений уголовного и избирательного законодательства России многие вопросы определения видов и содержания тех избирательных прав, которые подлежат охране нормами уголовного закона, остаются дискуссионными. В доктрине уголовного права отсутствует единство мнений в трактовке отдельных элементов и признаков рассматриваемых составов преступлений, предлагаются подчас диаметрально противоположные рекомендации по целому ряду аспектов совершенствования норм, закрепленных ст. 141–142¹ УК РФ.

Кроме того, в научной литературе до сих пор не нашли своего отражения и анализа серьезные просчеты законодателя, вызванные недостаточным учетом принципов уголовного права (ст. 3–7 УК РФ) при конструировании указанных составов преступлений, отсутствует четкое определение объекта рассматриваемых преступлений. Недостаточно исследован и воспринят исторический отечественный и современный зарубежный опыт борьбы с преступлениями против избирательных прав граждан.

С учетом последних изменений уголовного и избирательного законодательства (2005–2009 гг.) в настоящей работе предпринята попытка системного анализа преступлений против избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации через призму новейших достижений юридической науки, законотворческого опыта зарубежных государств и современных реалий судебно-следственной практики как на федеральном, так и на региональном уровнях. Разработанная в ходе исследования авторская концепция видов и содержания избирательных прав и права на участие в референдуме, подлежащих охране нормами уголовного закона, позволила сформулировать ряд предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства РФ и практики его применения.

Глава 1

Основные этапы развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме

§ 1. Ответственность за преступления против избирательных прав по дореволюционному уголовному законодательству России

Эволюция уголовно-правовой охраны избирательных правоотношений в России непосредственно связана с возникновением и развитием самих избирательных институтов, история которых корнями уходит в первые века существования Древнерусского государства. По мнению ряда исследователей, первые выборные традиции, формирование и развитие основ представительной и непредставительной демократии в период X–XIII вв. связаны с широким распространением на всей территории Руси вечевого действия².

Генезис правовой охраны избирательных действий и процедур непосредственно связан с возникновением и развитием самих избирательных институтов. Право народа на выражение путем голосования своего мнения по ряду вопросов политической, социальной, экономической жизни общества и государства относится к одному из древнейших, основополагающих видов права.

Для Древней Руси наиболее яркой и характерной формой голосования являлось вече-вое собрание, или вече, генетически связанное с дофеодальным периодом, когда на нем были представлены все свободные члены данной общины. Вече было широко распространено на всей территории Руси вплоть до XIII в.

Начальной формой веча была племенная сходка, а конечной – вечевые собрания в Великом Новгороде и Пскове, где вече являлось основным и постоянным органом власти с твердо устоявшейся компетенцией. Институт выборов играл здесь важную общественно-политическую роль. По мнению исследователей, на вече зародились первые выборные традиции, формировались и развивались основы представительной и непредставительной демократии.

Во многих землях избрание князей и значительного числа должностных лиц происходило на вечевых собраниях³. В Великом Новгороде и Пскове сложилась особая форма правления – феодальная республика, в которой главные должностные лица (посадник, тысяцкий, архиепископ, старосты и др.) избирались на определенный срок на общем собрании горожан⁴. Известны яркие примеры вечевого действия и во многих других городах Киевской Руси: Киеве, Белгороде, Галиче, Владимире, Полоцке, Ростове, Смоленске, Суздали, Твери, Чернигове и др.⁵

² См., например: *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. СПб., 2004. С. 30–35; *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 357–360; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 369–370 и сл.

³ *Минишес И. В.* Выборы князя в русском государстве (X–XIV вв.) // История государства и права. 2003. № 6. С. 41.

⁴ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. СПб., 1908. С. 52.

⁵ История культуры древней Руси: домонгольский период: В 2 т. Т. II: Общественный строй и духовная культура / Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М., 1951. С. 25.

По мнению В. В. Лугового, для древнерусского государства была характерна борьба вечевых собраний за политическую и экономическую самостоятельность от княжеской власти⁶. С.В. Юшков писал о том, что «веча были массовыми собраниями руководящих элементов города и земли по наиболее важным вопросам. Такими вопросами являлись вопросы о войне и мире, избрание и смещение князей, а также важнейших представителей княжеской администрации. Иногда вече являлось и высшим судебным органом»⁷.

Как отмечал С. А. Чибиряев, решения на вече принимались криком⁸. С.В. Юшков считал, что характерной чертой вечевых собраний являлось то, что решения на них принимались не большинством голосов, а единогласно. Иногда для принятия единогласного мнения требовалось значительное время. В Новгороде бывали случаи, когда вечевые собрания затягивались на неделю⁹. К. Д. Кавелин отмечал следующую особенность новгородских народных собраний: «Обыкновенно вече бывало одно; но иногда их бывало и два, враждебных между собою»¹⁰.

В X–XII вв. народное собрание (вече) принимает окончательную форму как высший орган власти земель. По замечанию дореволюционного историка А. Е. Преснякова, вече превращается в «главный земский орган волостной государственности»¹¹. Как свидетельствует летопись 1176 г., вечевые собрания повсеместно действуют в качестве самостоятельной и организованной политической силы: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на веча сходятся: на что же старейший сдумают, на томъ же пригороди стануть»¹².

Как отмечал В. И. Сергеевич, «участие в вечевых собраниях понималось в древности как право, принадлежащее свободному человеку. Принимающие участие на вече, обыкновенно, обозначаются в источниках самыми общими терминами, обнимающими все свободное население... под свободными людьми, имеющими право участия в народных думах, надо разуместь, однако, не все население поголовно, а свободных людей, которые не состоят под отеческою властью и не находятся в какой-либо частной зависимости. Отцы, следовательно, решают за детей, которые тем самым устраниются от участия в народных собраниях»¹³. О том, что право на участие в вече принадлежало всем свободным членам общины, имевшим свою собственную землю или владевшим определенной долей общинной земли, высказывались многие историки права дореволюционного и советского периодов. Например, И. Д. Беляев считал, что «для участия в вече не было надобности ни в каких выборах, все члены общины были вместе с тем и членами веча, и как члены имели одинаковый голос»¹⁴.

В столице Древней Руси – Киеве, где прочно утвердилась монархическая форма правления, в X–XII вв. собрание горожан имело столь широкие полномочия, что изгоняло одного правителя и возводило на княжеский «стол» другого, назначало судей, вершило вопросы войны и мира, ведало финансовыми и земельными ресурсами волостей, отправляло посольства в другие земли. Здесь княжеская власть, особенно в периоды обострения общественно-политической обстановки, считалась с мнением простых «людые киевстии» и старалась его не оспари-

⁶ Очерки по истории выборов и избирательного права: Учебное пособие / Под ред. Ю. А. Веденеева и Н. А. Богодаровой. Калуга; М., 2002. С. 393 (автор очерка «Выборы в средневековом Новгороде» – В. В. Луговой).

⁷ Юшков С. В. Указ. соч. С. 360.

⁸ История государства и права России / Под ред. С. А. Чибиряева. М., 1998. С. 37.

⁹ Юшков С. В. Указ. соч. С. 359.

¹⁰ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 37.

¹¹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. С. 399.

¹² Лаврентьевская летопись. – Цит. по: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 401.

¹³ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. СПб., 1908. С. 52–53.

¹⁴ Беляев И. Д. Указ. соч. С. 28; см. об этом также: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1909. С. 54; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 401; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 525, 834, 837 и др.

вать. По словам автора начала XX в. А. А. Кизеветтера, между князем и вечем «был какой-то неуловимый политический дуализм». Исследователь отмечал, что эти два органа не стояли по отношению друг к другу в положении какого-либо иерархического подчинения и между ними не существовало определенного разграничения компетенции. Все, что мог князь, могло и вече, и наоборот¹⁵.

По летописным свидетельствам, из пятидесяти киевских великих князей четырнадцать были приглашены по решению веча. Политическая самостоятельность городской общины особенно ярко проявилась в первой половине XII в.: вече утверждало претендентов на киевский «стол» в 1113, 1132, 1146, 1154 гг. Показательны выборы Владимира Мономаха в 1113 г., которого «именитые мужи» с вечевого согласия дважды приглашали занять престол, о чем рассказывает Ипатьевская летопись.

Как утверждал известный русский историк И. Д. Беляев, «новгородский тип правления постоянно отличался самым широким применением выборного начала в управлении, так что в Новгородском обществе не допускалось иной власти, кроме выборной; все власти, начиная от князя и владыки (епископа) и оканчивая каким-нибудь старостою, были непременно выборные»¹⁶.

К концу XII в. к городской общине окончательно перешло право выборов (призвания) князя. Новгородская первая летопись отмечает это следующим образом: «А Новгородъ выложиша вси князи въ свободу: где имъ любо, ту же собе князя поимають»¹⁷. По мере того как росло стремление Новгорода к независимости, на вече стал избираться не только князь, но и посадник, епископ, тысяцкий¹⁸.

На вече рассматривались наиболее важные вопросы государственной жизни. Здесь избирались, назначались и смещались должностные лица, принимались законопроекты, обсуждались межтерриториальные и международные отношения. Вече распоряжалось земельным фондом, устанавливало повинности, льготы и привилегии, вершило судопроизводство, рассматривало различные жалобы. Все решения на нем принимались путем «голосования»: присутствующим предлагалось одобрить или опровергнуть предложения, внесенные должностными лицами республики.

Одним из принципов, охранявшим новгородские демократические традиции, был строгий контроль за действиями выборных лиц. Вече могло принять решение о немедленном смещении того или иного выборного лица и его наказании в случае грубого нарушения общинных прав и обычаев. Такой порядок распространялся на всех должностных лиц – посадников, тысяцких, архиепископов и др. Например, в 1209 г. вече сурово расправилось с посадником Дмитрием Мирошкиничем: «Новгородыци же, пришьдыше Новугороду, створиша вече на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелеша на новгородыцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, а повозы возити, и все зло; идоша на дворы ихъ грабежмъ, а Мирошкин дворъ и Дмитровъ зажьгоша, и житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а сокровища ихъ изискаша и поимаша бесчисла...»¹⁹

Дальнейшее развитие избирательных институтов было связано с реформами местного самоуправления XV–XVI вв., которые нашли отражение в Белозерской уставной грамоте 1488 г., Судебниках 1497–1550 гг. и сначала заключались в ограничении полномочий наместников и волостелей, а затем привели к окончательной отмене системы «кормлений» и учре-

¹⁵ Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России в IX–XIX ст. М., 1910. С. 10.

¹⁶ Беляев И. Д. Указ. соч. С. 30–31.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 43.

¹⁸ Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 55–56.

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 51.

ждению новых выборных органов самоуправления – губных и земских изб, что свидетельствовало о формировании системы выборного представительства в Русском государстве²⁰.

Еще одна яркая страница в истории становления избирательных традиций нашего государства связана с деятельностью представительных учреждений сословной монархии – земских соборов. В XVI–XVII вв. сложилась практика делегирования различными сословиями своих депутатов для обсуждения важных государственных вопросов. Выборы царей на земских соборах стали наиболее значительным событием политической истории России в период сословно-представительной монархии²¹.

Документы этого времени (грамоты, соборные определения, летописи, воспоминания современников) рассказывают о прохождении через процедуру «обирания» или «изобирания» почти всех русских самодержцев – от Федора Ивановича до Софьи, Иоанна и Петра Алексеевичей²².

По мнению Л. В. Черепнина, «идеология и политическая доктрина сословно-представительной монархии... предполагали в качестве одной из своих основ утверждение на престоле земским собором главы государства. В этом находили воплощение и признание законности династии и освящение ее божественным промыслом»²³.

Традиция созыва избирательных соборов возникла в 1584 г. После смерти Ивана Грозного между боярскими дворцовыми группировками развернулась ожесточенная борьба за власть. По вопросу о новом царе в господствующих кругах имелись разногласия, так как у Грозного было два сына: Федор и малолетний Дмитрий. В то время как происходили столкновения боярских и дворянских партий, в Москве вспыхнуло народное восстание²⁴. О «сильном волнении черни» в Москве говорил свидетель этих событий голландский купец Исаак Масса²⁵. По рассказу Пискаревского летописца, «народ всколебался весь без числа со всяким оружием»²⁶. В этой ситуации Боярская дума решила пойти на созыв широкого сословного совещания представителей от разных городов и земель страны. Земский собор должен был не только утвердить царевича Федора на престоле, но и стать своеобразной формой примирения враждующих группировок. По словам Пискаревского летописца, «и бояре между собою помирились... и народ престал от мятежа»²⁷.

Шведский хронист Петрей сообщает, что Федора избрали на царство «высшие и низшие сословия»²⁸. Характерно, что Горсей называет «совет» 1584 г. «парламентом» и говорит, что на нем присутствовала «all the nobility whatsoever» («вся знать без изъятия») ²⁹.

По мнению историков, соборы 1598, 1606 и 1613 гг. проходили в обстановке активной избирательной борьбы и сопровождались широкой агитацией в поддержку тех или иных «кандидатов». Порядок выборов царей в этот период не был оформлен в специальную процедуру, но подразумевал особую тактику проведения соборных заседаний, апелляции к мнению

²⁰ Об этом см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 54; *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. С. 401; *Ермошин В. В., Ефремова Н. Н.* и др. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 212–213 и сл.

²¹ *Бахрушин С. В.* Классовая борьба в русских городах XVI – начала XVII в. Научные труды. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 213; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 526–530.

²² *Минишес И. В.* История выборов в России: порядок голосования и определения результатов (X–XVIII вв.) // Академический юридический журнал. 2003. № 4. С. 52.

²³ *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 274.

²⁴ *Бахрушин С. В.* Классовая борьба в русских городах XVI – начала XVII в. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 213.

²⁵ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 32.

²⁶ *Яковлева О. А.* Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955. С. 87; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 34. С. 195.

²⁷ *Яковлева О. А.* Указ. соч. С. 87.

²⁸ Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1851. С. 148.

²⁹ *Горсей Д.* Записки о Московии XVI в. СПб., 1909. С. 109–110.

торгово-посадского населения, достижение компромиссов между боярскими группировками. Политическая ситуация, сложившаяся вокруг соборов конца XVI – начала XVII в., вызывала большой интерес современников и находила отражение во многих документах.

Особенно ярко предвыборная борьба проявилась на соборе 1598 г. при избрании на царство Бориса Годунова. Став фактическим правителем Русского государства после смерти Федора Ивановича, он постарался использовать все возможности для утверждения себя на престоле. Четырежды пересматривался предварительный состав собора, многие участники которого были подкуплены. Патриарх Иов и представители духовенства вели активную агитацию в пользу Годунова среди стрельцов, торгово-посадских и тяглых людей в столице, провинциальных городах, уездах. Неоднократно предпринимались попытки найти компромисс с соперниками. Особую роль сыграла тактика ведения соборных заседаний. Сторонники Годунова не позволяли высказываться оппонентам, чем создавали видимость единогласного обсуждения его кандидатуры. Свою роль в череде выборных мероприятий сыграли московские низы. Они оказывали давление на участников заседаний тем, что во время многочисленных приветствий и крестных ходов умоляли Годунова принять царство. По словам В. О. Ключевского, общий план такой кампании «состоял не в том, чтобы обеспечить его избрание на царство подтасованным составом собора, а в том, чтобы вынудить правильно составленный собор уступить народному движению»³⁰.

Завершение выборных мероприятий выразилось в составлении итогового документа, проведении церемонии венчания и присяги населения новому царю. Как отмечает И. В. Минникес, с XVI столетия сформировалась новая группа источников, связанных с выборами центральных и местных властей, поэтому с этого периода фактически начинается история избирательных документов в России³¹.

С активизацией деятельности земских соборов устанавливается порядок проведения выборов и регламентируются соответствующие процедуры. Свидетельства об этом сохранили различные документы XVI в. и первой половины XVII в.: царские «призывные» грамоты, протоколы и акты съездов избирателей, отчеты («отписки») местных должностных лиц с описанием выборной кампании, «сказки» и челобитные от различных групп населения и отдельных депутатов. Вместе с тем отрывочность или отсутствие источников по ряду соборов затрудняют составление целостного представления обо всей избирательной системе XVII в.

Земские соборы не были постоянно действующим органом. Они собирались по мере необходимости для обсуждения тех или иных вопросов государственной жизни, «для... великого и земского дела на совет». Решение об их созыве принималось царем в совете с Боярской думой и высшими церковными иерархами и оформлялось в виде царского указа или боярского приговора, в котором содержалось требование собрать «всяких чинов людей Московского государства» с перечислением конкретных сословных групп.

Организация выборов и контроль за их проведением были возложены на органы центрального управления – приказы и, в первую очередь, на Разрядный приказ, ведавший в XVII в. личным составом служилого дворянства. В соответствии с царским указом Разрядный приказ проводил разверстку выборных людей по особым «избирательным округам».

Основные правила и порядок проведения избирательной кампании были зафиксированы в специальных царских грамотах, которые отправлялись воеводам на места.

Сохранились «призывные» грамоты к нескольким соборам XVII в. В них указаны нормы представительства от городов и сословные квоты, сроки прибытия выборных депутатов на очередную собор. Так, в записной книге Московского стола Разрядного приказа в записи под 24

³⁰ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. VIII: Статьи. М., 1990. С. 334.

³¹ Минникес И. В. Избирательные документы в электоральной практике России XVI–XVII вв. // Правоведение. 2007. № 3. С. 74.

октября 1636 г. сказано: «Посланы государевы грамоты в розные города о дворянх и о детех боярских, велено выбратьи из городов из выборных по 2 ч[еловека], из дворовых по 2 ч[еловека], а из городовых по 2 ч[еловека], всего из городов по 6 ч[еловек]», а сами избранники приглашались к 25 декабря – «на срок на Рождество Христово»³².

По получении царской грамоты воевода знакомил с ее содержанием местное население – «в торговые во многие дни... велеть прочесть всяких чинов людям вслух» (по грамоте 1648 г. в Переяславль Рязанский), отдельно извещая каждое сословие о норме представительства: дворян и детей боярских, чтобы «выбрали свою братю – из болших станов по два человека», из других мест – по одному, от посадских людей – чтобы выдвинули на собор одного делегата.

Затем воевода назначал дату выборов. Соответствующее извещение он направлял с рассыльщиками, пушкарями и зачинщиками (по отписке галицкого воеводы 1636 г.) в пригороды, торжки и вотчины к уездным дворянам и детям боярским. Академик Л. В. Черепнин высказал предположение, что до проведения выборов воеводы опрашивали служилых людей о возможных кандидатах. К назначенному сроку избиратели собирались в съезжей избе, где по сословиям выдвигали своих представителей. По окончании выборов присутствующими подписывался итоговый избирательный акт – «за руками списки» и составлялся «договор» – своеобразный наказ депутатам. К указанному в «призывной» грамоте сроку открытия собора (обычно к церковному празднику) выборные направлялись в Москву.

Порой выборы проходили с нарушением установленного порядка. По мнению Л. В. Черепнина, «во время выборов на Земский собор в ряде провинциальных городов Русского государства открыто проявлялись противоречия между местными служилыми людьми и приказной администрацией, а также между различными слоями и группировками дворянства. Воеводы прибегали в предвыборной борьбе к недозволенным средствам, сталкивали между собой отдельные группы избирателей. Служилые люди противопоставляли воеводским кандидатам своих „выборных“, в борьбе за разные дворянские кандидатуры среди дворян создавались блоки, пускавшие в ход для устранения противников и грубую силу, и шантаж, и клевету»³³.

Избирательная процедура не всегда проходила четко, с соблюдением всех требований «призывных» грамот. Так, большие волнения среди дворян Крапивны вызвал произвол воеводы, который собственной властью направил на Земский собор 1651 г. сына боярского Федоса Степановича Богданова, в то время как надо было послать посадского человека по выбору. На Богданова была подана коллективная челобитная «всем городом» (от лица дворян, детей боярских, казаков, стрельцов, пушкарей, затынщиков и «всяких чинов людей»), в которой его называли «вором» и «сставщиком» и обвиняли в том, что он «стакался» с воеводой В. Астафьевым, в результате чего поехал в Москву. Челобитчики писали, что они такого «воришка и сставщика» к «государеву великому делу» не выбирали, и «выбора» ему не давали, и ему у «государева царственного дела» быть нельзя. Они просили выселить Богданова из Крапивны, вычеркнуть его из списка служилых людей – соловьян и исключить из числа членов Земского собора. На челобитной оставлена помета думного дьяка Семена Заборовского: «Государь пожаловал, не велел ему у своево дела быть, велел ево отставить»³⁴.

Документы нередко отмечают случаи низкой активности избирателей. Так, в 1636 г. для выборов в Галич прибыло всего 20 человек – «немногие», по словам воеводы, остальные «ослушались». В 1653 г. не состоялись выборы в Туле. Методы реагирования на отказ от участия в выборах были весьма суровыми – вплоть до тюремного заключения. Тульский воевода Осип

³² Цит. по: Очерки по истории выборов и избирательного права. С. 427 (автор очерка «Выборы и избирательные процедуры в Русском государстве XVI–XVII вв.» – В. В. Луговой).

³³ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 323–324.

³⁴ Шмелев Г. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII в. // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 497–498.

Сухотин получил приказ из центра посадить в тюрьму трех человек «лучших» дворян «за слушанье»: «что они по прежнему государеву указу, по трем грамотам двух человек не выбрали». Воевода отвечал, что он подверг тюремному заключению двух дворян, а за третьим послал в «уезд», но так как из «уезда» в Тулу никто не явился, то и посадить некого³⁵.

Характерное нарушение произошло в 1653 г. в Можайске. Здесь воевода отправил в столицу не «лучших» людей, как требовалось, а малопоместных, беспоместных и пустопоместных дворян и детей боярских. В Серпейске из-за того, что многие служилые люди жили в «розных и дальних городех», были выбраны дворяне Белевского уезда³⁶.

Эти нарушения свидетельствуют о несовершенстве порядка организации и проведения выборов в XVII в. Соблюдение законности на выборах во многом зависело от того, как складывались взаимоотношения местной общины и должностных лиц.

Как отмечал П. И. Люблинский, в рассматриваемый период в Российском государстве «не могло быть и речи о преступлениях против избирательного права как о самостоятельном виде преступных деяний: выборный режим господствовал лишь в тесном кругу общин, не нуждавшихся в поддержке уголовного закона, и государственная власть редко вмешивалась в порядок производства выборов; в кругах же более широких властвовала царская воля и усмотрение воевод»³⁷.

Во второй половине XVII в., с появлением абсолютистских тенденций и усилением самодержавия, роль выборного представительства уменьшается. Прекращается созыв земских соборов, вместо которых при царе собираются узкие совещания отдельных сословий по ратным, земским и церковным вопросам³⁸.

На соборных совещаниях 1645 и 1682 гг. выборы сменились процедурой утверждения законного наследника на престоле. В этот период сословно-представительная монархия постепенно перерастает в абсолютистскую. Все реже созываются земские соборы, вместо которых проходили совещания правительства с представителями отдельных сословий при царе, все чаще принцип выборности заменялся принципом должностного делегирования. Тем не менее земские соборы и избирательная практика XVI–XVII вв. способствовали повышению роли сословий в управлении государственными делами. По замечанию В. О. Ключевского, «ближайшие предшественники Петра, московские цари новой династии, родоначальник которой сел на московский престол не по отцову завещанию, а по всенародному избранию, конечно, не могли видеть в управляемом ими государстве только свою вотчину, как смотрели на него государи прежней династии...»³⁹.

Новые этапы формирования избирательного права и процесса периода империи были связаны с масштабными преобразованиями российской государственности, осуществляемыми в XVIII в. под руководством Екатерины II: выборами в Комиссию для сочинения проекта нового уложения (1767 г.), выборами органов дворянского и городского самоуправления, основанными на юридических нормах изданных в 1785 г. «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»⁴⁰ и «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи»⁴¹.

Придя к власти, Екатерина II занялась усовершенствованием российской правовой системы. Авторитетные мыслители Нового времени, труды которых были известны Екатерине

³⁵ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 329.

³⁶ Там же. С. 328.

³⁷ Люблинский П. И. Преступления против избирательного права. СПб., 1906. С. 159.

³⁸ Очерки по истории выборов и избирательного права. С. 430 (автор очерка «Выборы в средневековом Новгороде» – В. Луговой).

³⁹ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. VIII: Статьи. М., 1990. С. 334.

⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб., 1830. Ст. 16187.

⁴¹ Там же. Ст. 16188.

II, предполагали активное участие «народа» в выработке законов, допускали принятие важных правовых актов путем народного волеизъявления. Например, Ж.-Ж. Руссо писал о том, что «суверен может действовать лишь тогда, когда народ в собрании»⁴². Ш. Л. Монтескье полагал, что основной функцией представительного собрания должно являться законотворчество: «Представительное собрание следует также избирать не для того, чтобы оно выносило какие-нибудь активные решения, – задача, которую оно не в состоянии хорошо выполнить, – но для того, чтобы создавать законы или наблюдать за тем, хорошо ли соблюдаются те законы, которые уже им созданы, – дело, которое оно – и даже только оно – может очень хорошо выполнить»⁴³. Екатерина II разделяла мнение о том, что законы должны быть основаны на желаниях и нуждах тех, кому предназначается их исполнение. Выборное законодательство 1766 г. трактовало выборный процесс не только как право сословий, но и как их обязанность. В Указе от 14 декабря 1766 г. говорилось: «Повелеваем прислать... из всех уездов и городов Нашей империи в первостолличный Наш город Москву депутатов»⁴⁴.

Анализ отечественных правовых памятников свидетельствует о том, что уголовное законодательство об ответственности за преступления против избирательных прав сформировалось не сразу и восходит своими корнями к концу XVIII в.

Для данного периода характерно зарождение «уголовного избирательного права, когда уже развившаяся государственная власть стала вызывать для службы себе людей из народа и средством для такого привлечения служилых сделала выборы. Только при таких условиях интерес правильности выборов и устранения произвола из этой сферы мог стать близким центральной государственной власти и вызвать с ее стороны соответствующую деятельность, направленную к его защите. Угроза за злоупотребления при выборах, получивших публичное значение, еще не вылилась в эту эпоху в форму уголовной кары, а явилась выражением государева неудовольствия или угрозой неопределенными взысканиями „по всей строгости“, специальной санкции не устанавливается, но запрещение налагается под страхом „государева гнева“»⁴⁵.

Так, в Указе от 14 декабря 1766 г. подчеркивалось, что избирательный процесс должен осуществляться так, чтобы не вызвать нарушения общественного порядка: «Всем и каждому крайне остерегаться, дабы никому никаких приметок и притеснений учинено не было: равномерно накрепчайше запрещается употреблять при сем ненавистную мзду и лихоимство, под опасением Нашего неминуемого гнева»⁴⁶. Указом от 25 ноября 1778 г. предписывалось губернаторам «не быть при выборах, но оставить им полную волю»⁴⁷, Указом от 16 августа 1802 г. запрещалось губернаторам вмешиваться в выборы и «домогаться по желанию своему одних избрания, других удаления»⁴⁸.

XIX век – эпоха развития сословных представительных институтов. Выдающийся философ права П. В. Новгородцев, отмечая влияние политических лозунгов и реформ, которые постепенно выдвигались жизнью (представительство, парламентаризм, всеобщее избирательное право, референдум, социальные реформы), на основные принципы политики XIX в., видел в новых общественных формах залог дальнейшего политического развития, определяя цель

⁴² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 218.

⁴³ Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. С. 293–294.

⁴⁴ Именной, данный Сенату указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборе в оную депутатов» от 14 декабря 1766 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XVII: 1765–1766. СПб., 1830. Ст. 12801. С. 1093 (далее – Указ от 14 декабря 1766 г.).

⁴⁵ Люблинский П. И. Преступления против избирательного права. СПб., 1906. С. 160.

⁴⁶ Указ от 14 декабря 1766 г. С. 1095.

⁴⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб., 1830. Ст. 14816.

⁴⁸ Там же. Т. XXIV. СПб., 1830. Ст. 26819.

общественного прогресса как стремление к свободному объединению лиц на почве признания за ними их естественных прав⁴⁹. М. П. Чубинский отмечал, что для уголовной политики период 20–70-х годов XIX в. является переходным. В то время как юридическая работа являлась весьма продуктивной в области истории и догмы, материал для дальнейшего развития уголовной политики вырабатывался вне юридической сферы; уголовная этиология получила прочный и все более разрастающийся базис⁵⁰.

В рассматриваемый период впервые на законодательном уровне вводится уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный государством порядок проведения сословных, а затем и земских выборов. В Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в раздел IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях» была включена глава четвертая «О злоупотреблениях особых по состоянию присвоенных прав»⁵¹. Отделение первое указанной главы «О нарушениях правил, установленных для выборов и других собраний дворянских, городских и сельских» содержало ряд составов преступлений, посвященных охране избирательных прав.

В ст. 1884 Уложения устанавливалась ответственность для тех лиц, кто при проведении выборов в дворянские, городские или сельские общества склоняет кого-либо к поданию голоса в свою пользу или в пользу или против другого лица. По конструкции состав является формальным, что вытекает из диспозиции статьи. Исходя из характера предусмотренного деяния, умысел может быть только прямым. Субъект рассматриваемого преступления – общий. Следует отметить, что ст. 1884 Уложения, направленная на охрану свободного осуществления активного избирательного права (т. е. права голосовать), имеет много общего с составом воспрепятствования осуществлению избирательных прав, предусмотренным ст. 141 УК РФ. В то же время законодатель XIX в. отнес подкуп, подарки, обещания или угрозы к числу альтернативно обязательных признаков основного состава преступления, в то время как в действующем УК РФ подкуп и угроза применения насилия имеют статус квалифицирующих признаков. Особенностью ст. 1884 Уложения является криминализация действий не только подкупающего, но и того лица, кто принимает деньги или подарок для подания голоса в чью-либо пользу или против кого-либо, или же требует или просит их, злоупотребляя своим правом голоса.

Кроме того, в ст. 1885 и 1893 Уложения предусматривалась ответственность за незаконное участие в выборах или незаконное лишение права участвовать в выборах. Преступное деяние определялось как «допущение в (дворянские или городские) собрания и к выборам лиц, которые по закону не имеют права участвовать в действиях сих собраний или же избирать или быть избираемыми к должностям, а равно и за устранение тех, которые имеют право присутствовать в собраниях и участвовать в действиях оных и в выборах или быть избираемыми». Субъект преступления в рассматриваемых составах – специальный. Уголовной ответственности подлежал предводитель дворянства (ст. 1885) или городской голова (ст. 1893). Как следует из содержания ст. 1885, 1893, указанные преступления могли быть совершены с умышленной («с умыслом, из каких-либо личных видов») или неосторожной формой вины («произойти от какой-либо ошибки», как не вполне точно выражается закон). В зависимости от формы вины по-разному решался вопрос о размере и виде наказания.

Характерное в целом для Уложения отсутствие достаточно четкого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности⁵² было присуще и Отделению

⁴⁹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», 1991. С. 51–52.

⁵⁰ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и вступ. ст. В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 373.

⁵¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 480–481.

⁵² Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. С. 168.

первому главы IV «О нарушениях правил, установленных для выборов и других собраний дворянских, городских и сельских». Так, согласно ст. 1886 и 1894 Уложения, уголовному наказанию подлежал тот, кто из присутствующих соответственно в Дворянском собрании или на заседаниях городского или сельского общества причинит там беспорядок, шум или замешательство. Статья 1887 Уложения предусматривала ответственность для тех лиц, кто во время занятий Дворянского собрания заведет там разговор о предметах посторонних, к суждениям собрания не принадлежащих. Статьи 1891, 1896 Уложения устанавливали ответственность для тех, кто опаздывал или покидал Дворянское собрание, заседание городского или сельского общества до окончания времени его работы. Наряду с другими указанные составы были направлены на обеспечение порядка деятельности дворянских, городских и сельских обществ.

Как отмечал П. И. Люблинский, глава Уложения, относящаяся к обеспечению избирательных прав, говорила о нарушении не политических прав, как это было принято в уголовном законодательстве других государств, а прав и преимуществ, т. е. исключительных, сословных прав, дарованных Высочайшею властью разным в государстве состояниям, из чего следовало, что важность указанных нарушений определялась не их общественным, а личным значением как особых правомочий⁵³. Карательная мера была предусмотрена законом «для сохранения достоинства» упомянутых в этих статьях сословных и общественных собраний, а также для ограждения от избрания в них «неспособных или не заслуживающих полного доверия лиц»⁵⁴.

Вместе с тем ст. 1884, 1885, 1893 Уложения о наказаниях 1845 г. явились первыми в истории российского уголовного права нормами, устанавливающими ответственность за нарушения в сфере выборов. Именно с этого момента берет свое начало развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на избирательные права граждан⁵⁵.

Дальнейшее развитие рассматриваемых норм произошло в середине 60-х годов XIX в., когда в связи с проведением реформы полиции 1862 г., судебной и земской реформ 1864 г. были внесены изменения в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и под охрану уголовного закона были взяты выборы не только дворянских, городских и сельских обществ, но и земские выборы. В связи с сокращением общего числа статей Уложения была изменена их нумерация. Статьи 1424–1440 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, предусматривающие ответственность за нарушения установленного порядка выборов, были объединены в главу четвертую «О нарушениях правил, установленных для выборов и других собраний дворянских, городских и сельских, а также земских»⁵⁶. Среди преступных деяний указывались «противозаконные действия на выборах для склонения голосов в чью-либо пользу» (ст. 1425); «допущение к выборам лиц, не имеющих права участвовать в оных и устранение имеющих на то право»: в дворянских собраниях (ст. 1426), собраниях городского общества (ст. 1434). К преступлениям в сфере избирательных правоотношений были отнесены неявка избранника дворянским обществом к отправлению должности (ст. 1433), отказ избранного на должность городскую или сельскую без особых законных на то причин (ст. 1438), а также просрочка отпуска лицами, занимающими должности по городским выборам (ст. 1439 по продолжению 1906 г.)⁵⁷.

⁵³ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 164–165.

⁵⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1889. С. 551.

⁵⁵ Турищева Н. Ю. Развитие ответственности за преступления против избирательных прав по дореволюционному уголовному законодательству России // История государства и права. 2008. № 7. С. 29.

⁵⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных по изданию 1866 г. с внесением всех узаконений по продолжению 1868, 1869, 1871 и 1872 годов с разъяснениями по решениям уголовного кассационного департамента / Сост. Н. С. Таганцев. СПб.: Издание «Книжного магазина для иногородних», 1873. С. 593–598.

⁵⁷ Преступные деяния по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с приведением статей уголовного Уложения, высочайше утвержденного 22 марта 1903 г., с разъяснениями кассационных департаментов Сената и толкованиями известных русских криминалистов, в алфавитном порядке / Сост. В. М.

В дальнейшем нормы о преступлениях против избирательных прав уточнялись не только по мере совершенствования законодательной техники, но и, прежде всего, в связи со значительными изменениями, произошедшими в политической системе Российского государства. Как отмечалось в юридической литературе начала XX в., главное преобразование было обусловлено введением самостоятельного избирательного института, заменой прежде существовавшего сословного избирательного права на цензовое. Система выборов по сословиям в своем первоначальном виде имела глубокий смысл: политические интересы лица сливались с интересами его сословия. В начале XX в. обособленность сословий исчезла и обществом осознавалась необходимость перестройки существующей избирательной системы⁵⁸.

С предоставлением избирателям возможности участвовать во всеобщих выборах при формировании органов государственной власти произошло изменение содержания избирательного права. При этом, как отмечал П. И. Люблинский, центр тяжести уголовной угрозы изменился, возникла необходимость охраны нормами уголовного закона самостоятельности института выборов и его свободы от административного воздействия⁵⁹. С.В. Познышев по этому поводу писал: «Предоставляя гражданам избирательное право, законодательство должно устранить злоупотребления им, а также охранить его от посягательств. С этой целью оно должно преследовать насилие над избирательными собраниями, нарушение свободной подачи голосов отдельными гражданами, а также подлоги в результатах выборов»⁶⁰.

Избирательное законодательство эпохи становления российского парламентаризма определяло порядок правовой защиты соблюдения законности при выборах депутатов высших представительных органов. 8 марта 1906 г. был издан именной Высочайший Указ «О временных правилах об ограждении свободы и правильности предстоящих выборов в Государственный Совет и Государственную Думу, а также о беспрепятственной деятельности сих установлений»⁶¹. Данный акт устанавливал уголовную ответственность за действия, нарушающие предусмотренные правила подготовки и проведения выборов.

Следует учитывать, что подготовка к выборам проходила в ситуации, когда в стране шел процесс революционной борьбы. Экстремистские революционные группы совершали террористические акты, преследующие цель запугать власти, парализовать их деятельность. Предстоящие собрания избирателей и выборщиков вполне могли стать объектом террористических акций⁶². В связи с этим Указ от 8 марта 1906 г. определял наказания за «воспрепятствование занятиям предвыборных собраний, собраний по выборам в Государственный Совет или Государственную Думу и выборных комиссий угрозами, насилием над личностью, злоупотреблением властью, повреждением помещения, предназначенного для собрания, а также искусственным заражением в нем воздуха» в виде (если не подлежит за совершенные действия более строгому наказанию) лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от полутора до двух лет. То же преступление, совершенное несколькими вооруженными лицами, предусматривало более строгое наказание – от четырех до шести лет арестантских рот⁶³.

Шимановский. Одесса, 1910. С. 91.

⁵⁸ Водовозов В. В. Избирательное право в Европе и России. СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906. С. 9, 19–20.

⁵⁹ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 181.

⁶⁰ Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового уложений. М.: Товарищество скоропечатников А. Л. Левинсон, 1912. С. 377.

⁶¹ Именной Высочайший указ, данный Сенату: «О временных правилах об ограждении свободы и правильности предстоящих выборов в Государственный совет и Государственную думу, а также беспрепятственной деятельности сих установлений» от 8 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. Ст. 27506. С. 225–227 (далее – Указ от 8 марта 1906 г.).

⁶² Институт выборов в России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX в. / Под общ. ред. А. А. Вешнякова. М., 2001. С. 586.

⁶³ Указ от 8 марта 1906 г. С. 226.

В 1906 г. раздел IV Уложения о наказаниях уголовных и исправительных был дополнен главой восьмой (ст. 328¹-328⁹) «О нарушении свободы и правильности выборов в Государственный Совет и Государственную Думу, а также беспрепятственной деятельности сих установлений». Как отмечает Л. Г. Мачковский, данная глава, содержащая статьи, посвященные обеспечению избирательных прав, может быть оценена как весьма полная и в достаточной мере проработанная система, не лишенная вместе с тем элементов казуистичности⁶⁴.

Статья 328¹ Уложения устанавливала ответственность за воспрепятствование избирателю или выборщику свободно осуществлять право выборов в Государственный Совет или Государственную Думу. Законодателем впервые был введен запрет на воспрепятствование осуществлению избирательного права. При этом уголовный закон брал под свою охрану лишь активное избирательное право, что следует из содержания диспозиции статьи: потерпевшим мог быть избиратель или выборщик. Указание этих двух категорий определялось тем, что, согласно действовавшему избирательному законодательству, выборы для одних категорий избирателей были прямыми, для других – многостепенными, связанными с избранием выборщиков⁶⁵. Криминообразующими признаками воспрепятствования свободному осуществлению права выборов признавались угроза, насилие над личностью, злоупотребление властью или отлучение от общения.

Квалифицирующие признаки касались описания объективной стороны – совершения преступления несколькими лицами, а также субъекта преступления – «служащего в правительственном или общественном установлении при исполнении служебных обязанностей по наблюдению за правильностью выборов».

В части третьей устанавливалась ответственность специального субъекта, в качестве которого было названо лицо, «пользующееся правами государственной службы», если преступное деяние «учинено им при исполнении служебных обязанностей». При этом суду предоставлялось право «присоединить к тюремному заключению удаление от должности».

В связи с этим представляет особый интерес установление тех органов и лиц, которые имели непосредственное отношение к подготовке и проведению выборов. Как писал А. Рейснер, «органами, заведующими выборами, в России являются, прежде всего, общая полиция и администрация, в помощь которой образованы особые смешанные уездные и губернские по делам о выборах комиссии, составленные из чинов администрации, судебного ведомства и органов самоуправления. Составление избирательных списков предоставлено органам земского и городского самоуправления»⁶⁶.

Статья 328² устанавливала ответственность за «возбуждение к противодействию выборам в Государственный Совет или Государственную Думу или к массовому воздержанию от участия в сих выборах». Фактически данной нормой устанавливалась ответственность за незаконную агитационную деятельность. Следует отметить, что это был единственный случай криминализации указанного деяния в истории развития отечественного законодательства о нарушении избирательных прав⁶⁷.

Исходя из опыта земских и городских выборов, законодатель предусмотрел наказание за подкуп избирателей, выделив указанный состав в отдельную статью. При этом содержание данного понятия было изменено по сравнению с тем, что действовало в первоначальной редакции Уложения 1845 г. Под подкупом в ст. 328³ Уложения понималось склонение посредством

⁶⁴ Мачковский Л. Г. Преступления против основных прав человека в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 126.

⁶⁵ Водовозов В. В. Избирательное право в Европе и России. СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906. С. 38–39.

⁶⁶ Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». Т. 11. М., 1910. Стлб. 587.

⁶⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов. Пг., 1916. С. 81.

угощения, подарка или обещания личной выгоды избирателя или выборщика к подаче при выборах в Государственный Совет или Государственную Думу голоса в пользу свою или другого лица.

Наказание в виде тюремного заключения на срок от двух до восьми месяцев предусматривалось не только для виновного в склонении к подкупу, но и для избирателя или выборщика, согласившегося за угощение, подарок или личную выгоду подать голос в пользу какого-либо лица. Кроме того, виновные могли быть лишены судом избирательного права на предстоящих выборах в Государственный Совет или Государственную Думу.

Статья 328⁴ предусматривала ответственность за воспрепятствование занятиям предвыборных собраний, собраний по выборам в Государственный Совет или Государственную Думу и выборных комиссий. Обязательными признаками указанного преступления являлись угрозы, насилие над личностью, злоупотребление властью, повреждение помещения, предназначенного для собрания, а также искусственное заражение в нем воздуха. Данная норма является прообразом состава воспрепятствования работе избирательных комиссий, предусмотренного ст. 141 УК РФ. Отличие заключается в том, что такие конститутивные признаки состава преступления, как угрозы, насилие, злоупотребление властью, современным законодателем рассматриваются в качестве квалифицирующих.

В связи со значительными ограничениями активного избирательного права, фактическим введением четырехстепенных выборов законодателем устанавливалась уголовная ответственность за незаконное участие в выборах (ст. 328⁵). Как отмечает И. В. Зайцев, законодательство различало следующие виды правонарушений, связанных с избирательным процессом: голосование, произведенное лицом, не имеющим избирательного права, неоднократное голосование в рамках одного избирательного съезда или голосование в нескольких избирательных участках, голосование за другое лицо при отсутствии на это полномочий⁶⁸.

Каждый из составов преступлений, предусмотренных ст. 328¹-328⁹, сконструирован по типу формального, основанием криминализации выступали совершенные деяния. Признаком субъективной стороны преступлений являлся прямой умысел, причем в большинстве статей форма вины не называлась прямо, а вытекала из содержания статьи. Непосредственное указание на умысел содержалось в составах умышленных злоупотреблений при отбирании или счете голосов (ст. 328⁶) и умышленного повреждения избирательных списков, выборных записок или производств, а также их подложного составления (ст. 328⁷).

Помимо рассмотренной выше ст. 328¹, указание на специальный субъект содержалось в следующих составах:

- незаконное участие в выборах (виновным признавалось «лицо, заведомо не имеющее или утратившее право участия в выборах в Государственный Совет или Государственную Думу», ст. 328⁵);
- воспрепятствование занятиям предвыборных собраний, собраний по выборам и выборных комиссий (виновным являлось лицо, совершившее указанные деяния путем злоупотребления властью, ст. 328⁴);
- недопущение члена Государственного Совета или Государственной Думы к выполнению обязанностей (виновным являлось лицо, совершившее указанные деяния путем злоупотребления властью, ст. 328⁸).

За всю историю развития норм российского уголовного права, посвященных защите избирательных правоотношений, перечень деяний, рассматриваемых в качестве преступлений

⁶⁸ Очерки по истории выборов и избирательного права. С. 549 (автор очерка «Выборы в Государственную думу Российской империи» – И. В. Зайцев).

в сфере выборов, был наиболее широким именно в указанной главе восьмой раздела IV Уложения о наказаниях уголовных и исправительных⁶⁹. Многие идеи, заложенные в статьях Уложения, посвященных охране избирательных прав, были восприняты современным российским законодателем и нашли отражение в нормах Уголовного кодекса 1996 г. (с последующими изменениями).

⁶⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г., со включением статей по Продолжениям 1906, 1912, 1913 и 1914 годов. Пг., 1916. С. 81–83.

§ 2. Ответственность за преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме по советскому и постсоветскому уголовному законодательству

Из широкого перечня преступлений против установленного порядка проведения выборов, имевшегося в дореволюционном российском уголовном законодательстве, первый советский Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. воспроизвел лишь одну норму, предусматривающую ответственность за участие в выборах лица, не имеющего на то законного права, с той лишь разницей, что теперь речь шла о выборах в Советы (ст. 104 УК РСФСР)⁷⁰. Законодателем был взят на вооружение принцип, выработанный Г. В. Плехановым еще в период становления социал-демократии. Принцип «*salus populi suprema lex*» в переводе на язык революционера означал «*salus revolutiae suprema lex*» и применительно к процессу организации выборов отражал необходимость ограничения принципа всеобщего избирательного права. Б. А. Кистяковский, анализируя текст протоколов Второго очередного съезда РСДРП, обращал внимание на предложенный Г. В. Плехановым тезис о том, что революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права⁷¹.

Наряду с другими преступлениями против политических прав граждан, законодатель включил данную норму во второй раздел главы I УК РСФСР, отнеся ее к преступлениям против порядка управления⁷². В доктрине советского уголовного права указанное деяние рассматривалось как посягательство на избирательную систему социалистического государства⁷³.

Советское государство достаточно высоко оценивало степень общественной опасности деяния, связанного с незаконным участием в выборах, и путем установления мер уголовной ответственности стремилось повлиять не только на социальный состав участвующих в выборах лиц, но и, прежде всего, на результаты выборов.

В первые годы Советской власти широко использовались неказуистически сформулированные уголовно-правовые нормы, применялась аналогия уголовного закона, в связи с чем нормативные акты содержали лишь общие ориентиры для правоприменителя.

Перечень лиц, которые не могли избирать и быть избранными, устанавливался ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. и конкретизировался инструкциями о выборах. Например, в соответствии с Инструкцией ВЦИК «О выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» от 1 октября 1934 г.⁷⁴ не пользовались правом избирать и быть избранными в Советы лица, прибегавшие к наемному труду с целью извлечения прибыли, жившие на нетрудовые доходы, занимавшиеся торговлей, и все прочие лица, по своему классовому положению к моменту выборов или по своей прошлой деятельности относящиеся на основании Конституции РСФСР к категории лишенных избирательных прав.

Составление списков лиц, лишенных избирательных прав, было одним из важных избирательных действий, осуществляемых в ходе подготовительного этапа избирательной кампании. К числу лишенных избирательных прав относились десятки категорий граждан:

- земледельцы, скотоводы, кустари и ремесленники, применяющие наемный труд;
- лица, арендующие землю;

⁷⁰ Сборник кодексов РСФСР. М., 1925. С. 245.

⁷¹ Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи из глубины. М.: Издательство «Правда». 1991. С. 134–135.

⁷² Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М.: Высшая школа, 1970. С. 184.

⁷³ Пионтковский А. А. Система Особенной части уголовного права // Советское право. 1926. № 2.

⁷⁴ Инструкция о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР: утверждена Постановлением ВЦИК от 1 октября 1934 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 255–256.

– бывшие офицеры и чиновники белых армий, а также руководители контрреволюционных банд;

– все лица, прямо или косвенно руководившие действиями полиции, жандармерии, тюремного ведомства и карательных органов, члены царствовавшего дома, губернские и уездные предводители дворянства, председатели и члены уголовных департаментов, а также прокуроры и товарищи прокуроров судебных палат, военных судов;

– бывшие и настоящие служители всех религиозных культов;

– кулаки, выселенные за противосоветские и противоколхозные выступления;

– члены семей лиц, лишенных избирательных прав в тех случаях, когда они находятся в материальной зависимости от последних и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно полезный труд и др.

В. И. Ленин указывал, что государство постреволюционного периода «неизбежно должно быть государством по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)»⁷⁵. Именно Советы представлялись В. И. Ленину наилучшей формой государственности, сочетающей в себе элементы диктатуры и демократии.

Таким образом, в том числе и нормами уголовного закона советское государство устанавливало запрет на участие в выборах для значительного числа своих граждан, с тем чтобы лишить представителей «эксплуататорских классов» возможности легально участвовать в политической деятельности. Вместе с тем следует отметить, что в советский период число граждан, наделенных правом участия в выборах всех уровней, было неизмеримо больше, чем в дореволюционной России. Так, по оценкам Б. Н. Миронова, в 1906–1913 гг. избирательные права получили лишь 16 % от общего числа населения страны⁷⁶. Что касается общего числа граждан СССР, лишенных избирательных прав, то оно, по оценкам И. В. Зайцева, было сравнительно невелико – максимум 8,2 % в городах и 1,4 % в сельской местности (1923 г.)⁷⁷.

Необходимо отметить, что активного и пассивного избирательного права могли быть лишены также лица, признанные виновными по делам о контрреволюции, убийстве, разбое, причинении тяжких ран и увечий, поджоге, грабеже, краже, мошенничестве и некоторых других преступлениях⁷⁸. Однако, как отмечает Т. В. Непомнящая, на практике поражение прав назначалось судами очень редко, причем наблюдалась тенденция снижения назначения данного вида наказания⁷⁹.

Принятый в 1926 г. Уголовный кодекс РСФСР усилил меры уголовной ответственности, увеличив санкции за участие в выборах в Советы и на их съезды лица, не имеющие на то права, с трех до шести месяцев принудительных работ (ст. 91)⁸⁰. Предусматриваемое ст. 91 УК незаконное участие в выборах в Советы расценивалось как посягательство на порядок выборов депутатов трудящихся в верховные, областные, городские, сельские и др. Советы⁸¹. Объективная сторона данного преступления могла выражаться в различных формах: участие в выбо-

⁷⁵ Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М., 1969. С. 35.

⁷⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 211.

⁷⁷ Очерки по истории выборов и избирательного права. С. 613 (автор очерка «Избирательная система советского государства» – И. В. Зайцев).

⁷⁸ Лишение всех или некоторых гражданских прав как вид наказания упоминается в ряде декретов и постановлений 1917–1918 гг. (см., например: Инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 19–20; Положение о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 58. Ст. 549; Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М., 1997. С. 67).

⁷⁹ Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 544.

⁸⁰ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. М., 1926. С. 95.

⁸¹ Пионтковский А. А., Меньшигин В. Д., Чхиквадзе В. М. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. М.: Госюриздат, 1959. С. 538.

рах лица, уже осуществившего свое избирательное право (голосование второй раз), нарушения принципа личного голосования (голосование одного лица вместо другого)⁸².

В 1929 г. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. был дополнен ст. 91.1. предусматривающей ответственность за воспрепятствование со стороны нанимателя в сельских местностях осуществлению лицами наемного труда принадлежащих им избирательных прав⁸³. В советском уголовном законодательстве это была первая попытка установления ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательных прав. Квалифицирующими признаками преступления являлись совершение деяния в отношении трех или более рабочих или хотя бы в отношении меньшего числа рабочих, но повторно. Следует, впрочем, отметить узкий круг лиц, избирательные права которых охранялись нормой УК (наемные рабочие), и специальный субъект данного преступления (наниматель в сельской местности)⁸⁴.

Как отмечает В. Н. Иванов, обе указанные нормы фигурировали в уголовных кодексах всех союзных республик, причем в кодексах Азербайджанской ССР (ст. 126.1) и Туркменской ССР (ст. 75.1) действие норм о воспрепятствовании осуществлению избирательных прав не ограничивалось сельской местностью⁸⁵.

С принятием в 1936 г. Конституции СССР, провозгласившей «всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании», был ликвидирован институт лишения избирательных прав на основе социального статуса граждан.

С развитием институтов избирательного законодательства была введена уголовная ответственность за воспрепятствование любым лицом осуществлению избирательного права, а также за подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов, совершенные должностными лицами Советов или членом избирательной комиссии. Как отмечал Н. Д. Дурманов, степень общественной опасности многих из преступных посягательств существенно изменялась на различных этапах социалистического строительства, в связи с чем советский закон изменял квалификацию соответствующих преступлений и степень их наказуемости⁸⁶.

Поскольку уголовное законодательство рассматриваемого периода не было полностью кодифицированным, то нормы уголовно-правового характера, в том числе устанавливающие ответственность за посягательства на избирательные права, содержались и в других источниках. Так, в 1937 г. Положением о выборах в Верховный Совет СССР была введена уголовная ответственность за воспрепятствование гражданину СССР в свободном осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР (ст. 111), а также за подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов (ст. 112)⁸⁷. В теории советского уголовного права указанные виды преступлений относились не к преступлениям против избирательных прав граждан, а к преступлениям против советской избирательной системы.

Специфика воспрепятствования осуществлению избирательных прав состояла в том, что законодатель назвал альтернативно обязательные признаки объективной стороны преступления: насилие, обман, угрозы или подкуп, указав исчерпывающий перечень способов его совершения. В литературе отмечалось, что воспрепятствование может иметь место как в отношении

⁸² Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. М., 1941. С. 123.

⁸³ Постановление ВЦИК и СНК от 28 января 1929 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / Под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 310.

⁸⁴ См.: Турищева Н. Ю. Ответственность за нарушения избирательных прав по советскому уголовному законодательству // Научные труды. РАЮН. Вып. 7: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 564.

⁸⁵ Иванов В. Н. Уголовно-правовая охрана основных прав граждан. М., 1967. С. 68.

⁸⁶ Дурманов Н. Д. Понятие преступления / Отв. ред. М. Д. Шаргородский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 132.

⁸⁷ Положение о выборах в Верховный Совет СССР: утверждено Постановлением ЦИК СССР, принятым 9 июля 1937 г. на 4-й сессии VII созыва // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. Отд. I. 27 июля 1937. № 43. Ст. 182. С. 421–433.

самого акта голосования, так и в отношении любых других действий, связанных с выборами в Советы⁸⁸. Состав преступления был сформулирован по типу формального. Как отмечал Н. Д. Дурманов, преступление считалось оконченным, когда виновный совершил действия, выражающиеся в насилии, обмане, угрозах или подкупе и направленные на воспрепятствование гражданину СССР осуществлению его права избирать и быть избранным, хотя бы этой преступной цели виновному и не удалось достигнуть⁸⁹.

Недостатком состава подделки избирательных документов являлось отсутствие раскрытия самого понятия «подделка», что, на наш взгляд, не способствовало выработке единообразной правоприменительной практики. Объективная сторона преступления состояла в составлении заведомо неправильных избирательных документов, внесении подчисток или заведомо неправильных сведений в действительные документы. Заведомо неправильный подсчет голосов понимался как умышленное искажение сведений о количестве проголосовавших и результатах голосования как в письменных документах, так и при передаче сведений устно⁹⁰. Субъектами подделки избирательных документов или заведомо неправильного подсчета голосов являлись члены избирательных комиссий, должностные лица Советов.

Ответственность за аналогичные преступления предусматривалась и принятыми позднее положениями о выборах в Верховные советы союзных республик и в местные Советы. В 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в статьях «Положения о выборах...» были оставлены лишь основания ответственности за нарушение законов о выборах, исключены конкретные санкции за преступления против избирательных прав и сделана отсылка к уголовному законодательству⁹¹.

В УК РСФСР 1960 г. появилась глава IV «Преступления против политических и трудовых прав граждан»⁹². В это же время в литературе высказывалось мнение о необходимости включения в заголовок главы IV УК 1960 г. указания на иные права и свободы граждан⁹³, что было сделано только в 1991 г. Изменение названия главы отразило изменение и расширение ее содержания. Это выразилось в том, что одни составы преступлений, известные Кодексу 1926 г., были декриминализованы, другие – подверглись определенным изменениям.

УК РСФСР 1960 г. содержал две статьи, посвященные охране избирательных правоотношений. Статья 132 устанавливала ответственность за воспрепятствование путем насилия, обмана, угроз или подкупа осуществлению гражданином СССР избирательного права, ст. 133 – за подлог избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов, а равно нарушение тайны голосования, совершенные членом избирательной комиссии или другим должностным лицом⁹⁴.

Отмечая высокую активность избирателей на выборах в Советы различного уровня в 1970 г. (99,96 %), М. И. Федоров подчеркивал, что в практике проведения выборов в советском государстве случаи преступных посягательств на избирательные права граждан были чрезвычай-

⁸⁸ Советское уголовное право. Часть Особенная / Под общ. ред. В. Д. Меньшагина, П. С. Ромашкина, А. Н. Трайнина. М., 1957. С. 339.

⁸⁹ Советское уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. Б. С. Утевский. М., 1958. С. 333 (автор главы – Н. Д. Дурманов).

⁹⁰ Советское уголовное право. Часть Особенная / Под ред. М. Д. Шаргородского, И. И. Слуцкого, Н. А. Беляева. Л., 1959. С. 282 (автор главы – Н. А. Беляев).

⁹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1961 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о выборах в Верховный Совет СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 1. Ст. 2.

⁹² См.: Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе. М., 1987. С. 209–242.

⁹³ Дагель П. С. Значение новых советских Конституций для совершенствования уголовного законодательства // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. Тбилиси, 1979. С. 39–40.

⁹⁴ Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В двух томах. Т. I. М.: Юридическая литература, 1963. С. 121.

чайно редки, поэтому уголовное законодательство в этой части выполняло не столько практические, сколько политические, предупредительные функции⁹⁵.

Законодательное описание воспрепятствования осуществлению избирательных прав имело достаточно абстрактный характер, в связи с чем в доктрине уголовного права были отражены различные точки зрения о том, что является объектом данного преступления. Иногда наряду с избирательными правами граждан назывался и порядок проведения выборов⁹⁶, сама советская избирательная система⁹⁷. Однако более обоснованным представляется мнение о том, что сущность данного преступления заключалась в нарушении политических прав, а основным признаком отнесения деяний к числу рассматриваемых преступлений являлась способность указанных посягательств либо исказить волю избирателей, либо вообще лишить их возможности осуществить свое право⁹⁸.

В научной литературе отмечалось, что воспрепятствование осуществлению избирательного права непосредственно выражается в создании условий, затрудняющих или исключающих возможность гражданину СССР совершать действия, связанные с реализацией его избирательных прав: выяснять дату выборов; знакомиться со списками избирателей; подавать заявления об ошибках, содержащихся в списках избирателей (о невключении в список, исключении из списка, искажении фамилии и т. д.); получать удостоверения на право голосования при перемене избирателем места своего пребывания; участвовать в работе собраний по выдвижению кандидатов в депутаты в Советы или в народные суды; в день голосования – явиться в помещение для выборов, получить избирательный бюллетень, заполнить его в отдельной специально оборудованной кабине⁹⁹.

В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. избирательные права не дифференцировались на активное и пассивное, однако, комментируя содержание данной нормы, правоведы в число охраняемых уголовным законом избирательных прав включали не только право избирать, но и неотделимое от него право быть избранным депутатом Совета народных депутатов или народным судьей¹⁰⁰. Как отмечал П. С. Ромашкин, объективная сторона воспрепятствования осуществлению пассивного избирательного права могла выражаться в создании препятствий при проведении встречи кандидатов с избирателями, при получении согласия кандидата баллотироваться по соответствующему избирательному округу¹⁰¹.

Более полному раскрытию объективной стороны указанного преступления способствовало включение в число конструктивных признаков состава таких признаков, как применение насилия, обмана, угрозы или подкупа.

Насилие могло выразиться в любой форме физического воздействия на гражданина СССР. В науке уголовного права согласованной являлась точка зрения о том, что в случае причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, истязания либо иного тяжкого вреда здоровью ответственность должна наступать по совокупности с соответствующими

⁹⁵ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3 / Отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 682 (автор главы – М. И. Федоров).

⁹⁶ Уголовное право. Часть Особенная. М., 1969. С. 204; Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера. М., 1971. С. 200.

⁹⁷ Иванов В. Н. Уголовно-правовая охрана основных прав граждан. М., 1967. С. 89.

⁹⁸ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3 / Отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1973. С. 685 (автор главы – М. И. Федоров).

⁹⁹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред. Г. П. Тихонова, А. А. Большакова. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962. С. 249 (автор главы – В. Г. Смирнов).

¹⁰⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. Г. З. Анашкин, И. И. Карпец, Б. С. Никифоров. М.: Юридическая литература, 1971. С. 297.

¹⁰¹ Курс советского уголовного права: В 6 т. Часть Особенная. Т. V: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления / Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1971. С. 219 (автор главы – П. С. Ромашкин).

статьями УК, поскольку посягательство на телесную неприкосновенность наказывается более строго, чем нарушение избирательных прав¹⁰².

Обман состоял в сообщении неверных сведений, под влиянием которых гражданин не мог осуществить свое избирательное право, а также в совершении преступных действий, выражающихся в злоупотреблении доверием избирателя.

Угроза с целью воспрепятствовать осуществлению избирательного права понималась как психическое воздействие, способное парализовать волю избирателя. Например, угроза убийством, причинением телесных повреждений, уничтожением имущества, оглашения позорящих сведений и т. п., причем не только в отношении избирателя, но и его близких¹⁰³.

Под подкупом понималось предоставление или обещание предоставить какие-либо материальные ценности, повышение по должности, права имущественного характера с целью добиться отказа от использования избирателем своего избирательного права. Подкуп мог быть совершен и в отношении лица, являющегося кандидатом, за отказ баллотироваться по соответствующему избирательному округу.

По субъективной стороне преступления против избирательных прав совершались лишь с прямым умыслом. В ряде работ отмечалось наличие специальной цели при воспрепятствовании осуществлению избирательных прав¹⁰⁴. Субъект воспрепятствования осуществлению избирательных прав – общий.

К числу фальсификаций, допускаемых в ходе выборов, был отнесен подлог избирательных документов. Справедливым представляется определение, данное М. И. Федоровым, который считал, что понятие подлога избирательных документов ничем не отличается от понятия подлога документов вообще и состоит либо в свидетельствовании о фактах несуществующих, либо в отрицании их наличия, либо в искажении действительных фактов путем как полного изготовления фальшивого документа, так и фальсификации подлинного документа¹⁰⁵.

Заведомо неправильный подсчет голосов заключался в увеличении или уменьшении общего количества голосов избирателей, принявших участие в выборах, в уменьшении или увеличении числа голосов, поданных за каждого кандидата с целью избрания определенного кандидата, фактически не получившего большинства голосов, либо с целью неизбрания неугодного кандидата, за которого проголосовало большинство избирателей.

Нарушение тайны голосования расценивалось как посягательство на закрепленный ст. 134, 140 и 109 Конституции СССР порядок проведения выборов. Тайное голосование подразумевает, что никто, кроме самого избирателя, не имеет права знать о содержании его персонального волеизъявления. Осуществив криминализацию нарушения тайны голосования, законодатель сделал акцент на значимости обеспечения этого важнейшего принципа избирательного процесса. Раскрывая объективную сторону данного преступления, Н. М. Кропачев отмечает, что нарушение тайны голосования заключается в создании таких условий, при которых тайна голосования не соблюдается. Это может выразиться в воспрепятствовании избирателю заполнить бюллетень в кабине для голосования, выдаче помеченного бюллетеня и др.¹⁰⁶ К действиям,

¹⁰² См., например: Советское уголовное право. Часть Особенная / Под ред. М. Д. Шаргородского, Н. А. Беляева. М., 1962. С. 171–172 (автор главы – В. Г. Смирнов); Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю. Д. Северина. М.: Юридическая литература, 1984. С. 281 (автор главы – Ю. Д. Северин).

¹⁰³ См.: Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. М. И. Ковалева, Е. А. Фролова, М. А. Ефимова. М., 1964. С. 283 (автор комментария к ст. 132 – Н. А. Бусырев).

¹⁰⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Ред. О. В. Грачев. М., 1992. С. 345; Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л. Л. Кругликова и Э. С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 376 (автор комментария к статье 133 УК – П. Н. Панченко).

¹⁰⁵ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3 / Отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 686 (автор главы – М. И. Федоров).

¹⁰⁶ Уголовное право. Особенная часть: Учебник. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н. А. Беляева, Д. П. Водяникова, В. В. Орехова. СПб., 1995. С. 162 (автор главы – Н. М. Кропачев).

нарушающим тайну голосования, относятся также необорудование избирательного участка специальными кабинами, нахождение во время голосования в кабинах посторонних лиц, установление в кабинах «подсматривающих» устройств и т. д.¹⁰⁷

С субъективной стороны подлог избирательных документов, заведомо неправильный подсчет голосов, нарушение тайны голосования могли быть совершены лишь с прямым умыслом. Субъектом рассматриваемых преступлений являлись члены избирательных комиссий и иные должностные лица, занимающиеся организацией выборов. Иные лица, участвующие в совершении данных преступлений, рассматривались как соучастники.

В уголовных кодексах всех союзных республик последовательно и в значительной степени единообразно регулировались вопросы об уголовной ответственности за преступные деяния против избирательных прав граждан, однако имелись и отдельные расхождения.

УК Украинской ССР выделял не две, как все остальные кодексы, а три статьи, посвященные избирательным правоотношениям, справедливо, на наш взгляд, включив в отдельную статью состав преступления, состоящего в нарушении тайны голосования (ст. 129 УК УССР). Конструкция же ст. 133 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за подлог избирательных документов, заведомо неправильный подсчет голосов, наряду с ответственностью за нарушение тайны голосования, фактически не соответствовала ее названию, так как объективная сторона нарушения тайны голосования не пересекается с объективной стороной подлога избирательных документов или заведомо неправильного подсчета голосов.

УК Эстонии в диспозиции ст. 132 вместо заведомо неправильного подсчета голосов содержал указание на фальсификацию результатов голосования. Как отмечал В. Н. Иванов, последнее понятие является, безусловно, более широким, чем «неправильный подсчет голосов»¹⁰⁸. На наш взгляд, указанное обстоятельство свидетельствовало о криминализации более значимого для выборов деяния – искажения результатов голосования, а не любого, пусть и умышленного, нарушения при подсчете голосов.

В ст. 128 УК Украинской ССР, в противовес кодексам остальных союзных республик, речь шла не о подлоге, а о подделке избирательных документов, чем фактически из числа преступных деяний исключалось составление не соответствующего действительности протокола о результатах выборов.

В большинстве кодексов за воспрепятствование осуществлению избирательных прав было установлено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или исправительных работ на срок до одного года. В УК Грузинской ССР к этим видам наказания была добавлена возможность применения увольнения от должности. Санкция в уголовных кодексах Украинской ССР, Армянской ССР и Эстонской ССР отличалась снижением верхнего предела: лишение свободы было установлено на срок до одного года. УК Литовской ССР не предусматривал лишения свободы за указанное преступление.

В качестве наказания за подлог избирательных документов, заведомо неправильный подсчет голосов, нарушение тайны голосования уголовные кодексы большинства союзных республик устанавливали наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или исправительных работ на срок до одного года. В уголовных кодексах РСФСР, Молдавской, Таджикской и Туркменской ССР верхний предел санкции в виде лишения свободы был повышен до трех лет, в Эстонской ССР – понижен до одного года и шести месяцев. УК УССР в качестве наказания за нарушение тайны голосования предусматривал исправительные работы на срок до одного года.

Необходимо отметить, что имеющиеся особенности построения уголовно-правовых норм кодексов союзных республик за нарушения избирательных прав граждан впоследствии

¹⁰⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л. Л. Кругликова и Э. С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 377 (автор комментария к статье 133 УК – П. Н. Панченко).

¹⁰⁸ Иванов В. Н. Уголовно-правовая охрана основных прав граждан. М., 1967. С. 91.

были учтены законодателем, в результате чего в УК РСФСР были внесены соответствующие изменения.

Конституция СССР 1977 г. не внесла существенных изменений в действовавшее избирательное законодательство. Как отмечает И. В. Зайцев, избирательный процесс утратил элемент новизны, характерный для кампании 1937 г. Выборы стали привычным явлением. Их организация была четко регламентирована, носила ярко выраженный бюрократический характер, что не вызывало негативной реакции в обществе. Большинство населения принимало «правила игры», предложенные властями. Явка на выборы приближалась к 100 %, лишь незначительное число голосов подавалось «против» кандидатов в депутаты¹⁰⁹.

Статьи 132, 133 УК 1960 г., первоначально воспроизводившие тексты ст. 111, 112 Положения о выборах в Верховный Совет СССР 1937 г.¹¹⁰, после неоднократно внесенных изменений, учитывающих особенности развития избирательной системы, введения института референдума, института выборов Президента РСФСР, приобрели более широкое содержание. О значении, которое государство придавало охране избирательных прав граждан, свидетельствуют многочисленные изменения указанных статей, которые имели место в период действия Уголовного кодекса 1960 г. (в 1982, 1990, 1991, 1995 гг.).

Политические процессы, происходившие в нашей стране в начале 1990-х гг., определившие формирование новой демократической модели проведения выборов, нашли непосредственное отражение в нормах УК, посвященных охране избирательных прав. Обращает на себя внимание осуществленное законодателем в 1992 г. расширение перечня избирательных прав, подлежащих охране нормами уголовного закона. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 января 1990 г.¹¹¹ в ст. 132 УК были конкретизированы охраняемые права гражданина РСФСР избирать и быть избранным народным депутатом. Кроме того, была осуществлена криминализация воспрепятствования ведению предвыборной агитации гражданином РСФСР, а также криминализация воспрепятствования осуществлению доверенными лицами кандидатов в народные депутаты их полномочий. Таким образом, законодатель сделал акцент на охране права на ведение агитации как важной составляющей соблюдения состоятельности избирательного процесса. Следует отметить, что в истории развития отечественного уголовного закона это был единственный случай включения в текст УК воспрепятствования праву на ведение агитационной деятельности. Очевидно, что указанные законодательные конструкции не охватывали весь объем избирательных прав, предоставляемых гражданам РСФСР действовавшим избирательным законодательством. Однако данный опыт развития отечественного уголовного закона следует оценить как положительный, заслуживающий пристального внимания современного законодателя относительно конкретизации тех избирательных прав, воспрепятствование осуществлению которых влечет уголовно-правовую ответственность.

¹⁰⁹ Очерки по истории выборов и избирательного права. С. 634 (автор очерка «Избирательная система советского государства» – И. В. Зайцев).

¹¹⁰ Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В двух томах. Т. I. М.: Юридическая литература, 1963. С. 121.

¹¹¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 1. Ст. 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.